

**Николай
Парфенов**

Быль лысьвенских лесов

—
Век 20-й

Лысьва, 2022

Николай Парфенов

Быль лысьвенских лесов (век 20-й)

Лысьва
«Издательский дом»
2022

ББК 63.3(2)

П 18

Парфенов Н. М.

Быль лысьвенских лесов. Век 20-й / Н. М. Парфенов. – Лысьва : Издательский дом, 2022. – 239 с.

Лес – естественная среда обитания жителей Урала. Сотни лет лес кормил, поил, обогревал и давал работу металлургам, рудокопам, крестьянам, лесозаготовителям. Эта книга о том, как складывались отношения человека и леса, как они менялись в зависимости от требований времени и самого человека. Автор пытается показать, что потребительское отношение к такому неиссякаемому природному ресурсу как лес, ведет не только к экономическому обнищанию, но и духовному оскудению тех, кто не умеет рачительно хозяйствовать на своей земле.

Книга предназначена всем любителям и защитникам природы, учителям и учащимся, краеведам.

Древесина для победы

Деловой ритм лесных поселений нарушило известие о начале Великой Отечественной войны. К напряженным планам по заготовке древесины для промышленных предприятий добавились фронтовые заказы. Резко изменился ассортимент выпускаемой продукции. Для нужд армии и оборонных предприятий требовались узко и ширококолейные шпалы, спецсырье для газогенераторных двигателей автомобилей, спецдревесина для прикладов, ствольных накладок и авиационной фанеры, армейские сани, лыжи, артиллерийские банники, живица, древесный уголь. Приоритетное выполнение военных заказов сказалось на постоянном отставании в выполнении мирных заказов, хотя и они требовали увеличенных поставок шахтной стойки, деловой древесины, дров.

Городские предприятия, имевшие до войны опосредованное отношение к лесной промышленности, заключали прямые договоры с леспромхозами на поставку сырья все с той же целью выполнения новых и дополнительных военных заказов. Лес рубили подневольно-выборочным методом, что позволило, например, деревообделочному цеху горпромкомбината освоить производство лыж, а в Рябиново, Поныше, Шакве заготавливать березовую болванку для автоматных прикладов. Заготовки представляли собой двухметровые кряжи из витой березы. После раскряжевки хлыстов подростки собирали в заснеженной лесосеке тяжелые, промерзшие кряжи и грузили на конные сани, чтобы отвезти на нижний склад. В Валюшино несколько семей подрядились изготавливать приклады и ложки для автоматов и винтовок. Их так и называли «ложетёсы». Клепочный завод в Кыну успешно выполнял заказы армии и за первый год войны дал более 200 тыс. руб. прибыли.

К выполнению государственных планов по заготовке и вывозке древесины активно подключились жители лесных поселков и работники городских организаций. 17 июля большой субботник состоялся в Серебрянском лесопункте по заготовке дров и сена. Десять домохозяек решил освоить профессии

лесорубов и заключили с администрацией Кыновского МПЛ договоры о постоянной работе.

В первые месяцы войны произошел серьезный сбой в привлечении колхозников к работе в лесу. Председатели колхозов «Новина», им. «17-го партсъезда», ряда Березовских колхозов объясняли отсутствие колхозников в лесосеках мобилизацией большого количества мужчин в армию.

Учитель А. И. Окунев записал воспоминания У. Г. Окуневой: *«Мне 17 лет было, как война началась. Раз молоденькая и детей нет, то одна дорога – на лесозаготовки. Пять зим в лесу работала, два сезона на лесосплаве... Все местные реки от вершин до устья прошла. Первый сезон по р. Лысьве, а потом по Култыму и Шакве до Кунгура. В ледяной воде работали в лаптях, о сапогах и думать не приходилось. Особенно неприятная работа была «лапушку» косить. Зарастают реки на мелководье водорослями, вот и скашивали их стоя в воде. Это, чтобы лес при сплаве не задерживался. Правда, за этот труд давали знаменитую «пятисотку» – хлеба по 500 граммов в сутки».*

Заполнить дефицит рабочей силы в Лысьвенском ЛПХ вызвались 68 женщин – домохозяйек и служащих. В результате их самоотверженной работы леспромхоз выполнил план января 1942 года на 104%, февраля – на 113%.

Активизировались сами лесозаготовители. В феврале 1942 года в Серебрянском лесопункте появились первые фронтовые бригады под руководством Кузнецова и Волкова. Месячные планы бригады выполняли от 130 до 150%. Кыновской МПЛ добился выполнения плана по рубке свыше 120% и по вывозке более 100% ежемесячно.

За счет сверхурочного труда и субботников в Кыновском МПЛ значительно сократились сроки погрузки продукции в вагоны МПС. Если перед войной из 650–700 вагонов за месяц удавалось погрузить 43%, то в июле – августе 1941 года невыполнение плановых работ зависело только от недопоставки вагонов руководством МПС.

Напряжение первых месяцев войны по выполнению прямых обязанностей по заготовке и вывозке древесины усу-

гублялось наложением на леспромхозы непрофильных функций. Уже в первую военную осень лесозаготовителей обязали заниматься земледелием: возделывать поля, выращивать зерновые культуры и овощи для самообеспечения продовольствием. Для создания собственной продовольственной базы леспромхозам пришлось срочно искать и разрабатывать посевные площади, обеспечивать себя семенами и сельхозинвентарем.

Накануне весенней кампании директора леспромхозов издавали приказы, в которых прописывали размеры подлежащих обработке площадей и валового сбора сельхозкультур по итогам сезона. Например, в Шакве предписывалось обрабатывать 13 га, в Матвеево – 23 га, в Тулумбасах – 17,3 га, в хозчасти Асовского ЛПХ – 7 га. В соответствии с приказом валовый сбор овса должен составить не менее 12 ц с 1 га, гороха – 10 ц, картофеля – 100 ц, капусты – 150 ц, лука – 60 ц, корнеплодов – 160 ц. На сельхозработы хозяйства выделяли по 100–120 человек и по 20–25 лошадей.

Как правило, сроки сельхозработ срывались из-за болезни лошадей, отсутствия инвентаря, отвлечения людей в разгар посевной и уборочной на оказание помощи колхозам. Навероятно высоко ценились лошади. В одном из леспромхозовских приказов говорилось: *«Сохранение коня, сохранение его работоспособности есть одна из политических ответственных задач»*. Много сил и времени отнимала заготовка сена для собственных обозов. Для лошадей собственного обоза леспромхозам выделялось до 1 тыс. и более гектаров сенокосных угодий.

По требованию райкома партии леспромхозы авансировали колхозы «Красный ударник», «4-я большевистская весна», «Уралец» в счет будущего использования колхозных лошадей на вывозке леса¹. Авансы в виде финансов и тягловой силы брали и сторонние организации: лысьвенское отделение «Заготзерно», «Заготскот» и другие. В 1941 году только у од-

¹ Первые два колхоза находились за пределами Лысьвенского района.

ного Кыновского МЛП сумма авансов сторонним организациям составила 109477 руб. 95 коп.

Мобилизация кадровых резервов для армии прокатилась по поселкам лесозаготовителей. На фронт отправляли всех работоспособных мужчин, в том числе из спецпоселков. Одним из парадоксов в нелегкой судьбе спецпоселенцев являлся тот факт, что молодых мужчин, которые выросли с клеймом «сын кулака», призывали в армию на общих основаниях. Многие из них сложили головы в боях с фашистами или были ранены.

Мобилизация проводилась так поспешно, что без механизаторов оставалась техника, некому было править пилы и топоры. Вновь назначенные женщины-пилоправы справлялись со своей работой плохо.

Взамен мобилизованных в армию рабочих в лес направлялись колхозники, в основном женщины и подростки. В суматошные дни первого года войны в Асовский ЛПХ прибыли 100 учащихся школы ФЗО. Из них 62 человека стали лесорубами, 36 – возчиками, 42 – грузчиками. По мобилизационным разнарядкам в лес отправлялись подростки 1927-1928 годов рождения. Оторванные от дома, не имевшие трудовых навыков для работы в лесу, подростки не выполняли нормы выработки, голодали, массово разбежались по домам. Ссылаясь на Указ ВС СССР от 26 июня 1940 года о запрете покидать рабочие места без уважительных причин, директора леспромхозов издавали приказы о передаче дел на «беглецов» в народный суд¹. Голодные, плохо одетые, часто полубольные колхозницы проводили на лесозаготовках по три-четыре месяца без выходных и отпусков. Больных было так много, что их не успевали отвозить в больницы. В Кордоне-Терси и в других лесопунктах и мастерских участках срочно открывались медпункты.

¹ Приказы директоров леспромхозов военных лет переполнены перечнем фамилий беглецов, чьи дела передавались на рассмотрение суда. Например, в приказах директора Асовского ЛПХ только за 1, 10, 13 апреля 1944 года речь идет о 17 сбежавших работников. Судьба этих людей неизвестна.

Отсутствие трудовых навыков, не проведенные инструктажи по технике безопасности среди поспешно набранных работников часто приводили к производственным травмам. Десятники и мастера игнорировали проведение инструктажей на рабочем месте, при рубке не соблюдались 50-метровые разрывы между вальщиками и другими лесорубами, оставлялись подпиленные деревья, не готовились лесосеки к разработке, людей перевозили с места на место на лесовозах, погрузочные работы проводились в ночное время без освещения.

Работница муниципального музея Т. Н. Колодкина вспоминала, что на ее сорокадвухлетнюю бабушку Ф. Трапезникову упало дерево. На следующий день женщина не смогла выйти на работу, за что получила наказание в виде 6 месяцев принудительных работ.

1 ноября 1941 года в леспромхозах ввели карточную систему на получение хлеба, сахара и кондитерских изделий¹. Продуктовые карточки ценились на вес золота. Наряду с кадровыми работниками их получали сезонные и мобилизованные рабочие. Карточки выдавались также бывшим кадровым рабочим, прибывшим после ранения и продолжительного лечения в госпиталях на место жительства для окончательного выздоровления. После восстановления сил они возвращались в РККА.

В одном из директорских приказов было отмечено, что колхозница Т. В. Власова, получив хлебную карточку, проработала в лесу всего один день, после чего сбежала домой. Женщину привлекли к уголовной ответственности. Таких колхозниц, как Власова, проработавших 3–4 дня, получивших хлебные карточки и сбежавших домой к детям, было много. В колхозах продуктовые карточки не выдавались.

Работа оставшихся мужчин и членов их семей в годы войны лучше всего просматривается на примере Кыновского

¹ В годы войны по специальным талонам выдавались промтовары, но их получали исключительно стахановцы и передовики производства, систематически перевыполнявшие нормы выработки.

МЛП. В мехлесопункте катастрофически не хватало рабочих. Если в 1942 году по плану должны были работать 400 постоянных рабочих, то работало 345 человек, в 1943 году в списках «постоянного кадра» значились 269 человек, в 1944 году – 243 человека. Вербовки подсобных рабочих в Лысьвенском, Б.-Усинском, Кишертском, Нытвенском, Кушвинском районах были дорогостоящими и мало результативными мероприятиями.

Снова на передний план по выполнению государственных заказов вышли жители спецпоселений. В масштабах всего мехлесопункта лесоучасток Рябиново стал основным поставщиком спецсырья и спецассортимента. Вынырок, в годы войны превратившийся в один из основных лесоучастков, демонстрировал чудеса изобретательности в части доставки заготовленной древесины к реке Кумыш. Рабочие проложили полуторакилометровую круглолежневую дорогу – «декавильку», по которой в вагонетках на древесных катках спускали под гору древесину¹. Обратные вагонетки поднимали на конной тяге. В конце войны деревянные катки заменили чугунными. По такому же принципу вывозили лес в Кирпичной. Зимой устраивали дороги – «ледянки». По ним с помощью тракторов на самодельных тракторных санях конструкции советского инженера Гинзбурга вывозили по 12–14 кубометров древесины за один раз. Во многих местах района на склонах гор следы от «ледянок» сохранились до сих пор.

Для поднятия трудового энтузиазма лесозаготовителей администрация и партийный комитет Кыновского МЛП разработали систему поощрений. Рабочим, добившимся особо высоких трудовых показателей, присваивали звания «Отличный лесоруб», «Отличный коновозчик», «Отличный рабочий лесоучастка». Победителям вручали денежные премии по 250 рублей. Среди награжденных были спецпоселенцы. Лучшими лесорубами признаны Ф. И. Колпина, З. М. Воядырь, Ф. М.

¹ *Ветераны лесной отрасли оспаривают факт использования деревянных катков, однако в документах сказано именно так – деревянные катки.*

Рябчинская, выполнявшие норму на 140%, грузчик К. М. Гроза и другие. В конце войны индивидуальные почетные звания заменили званиями «Лучшая бригада лесорубов», «Лучшая бригада коновозчиков» и т.п.

Готовую древесину мехлеспункт сплавлял по реке или отправлял по железной дороге через посредство так называемой лесной биржи. С началом войны увеличился спрос на крепежный лес. Работникам биржи приходилось грузить по 15–20 вагонов готовой продукции в течение суток. До войны плановой отгрузке леса мешали частые перебои с поставкой вагонов МПС. В военные годы недопоставки вагонов стали нормой. Чтобы минимизировать простои и ускорить время погрузки лесоматериалов, на работы выходили конторские служащие и домохозяйки. С июня по сентябрь 1942 года они работали на субботниках более 350 человекоднев.

Далеко не всегда удавалось выполнить план по заготовке и отгрузке продукции. Например, государственное задание на 1944 год по некоторым сортаментам Кыновской мехлеспункт выполнил всего на 50–60%. Люди работали из последних сил.

Тяжелый труд в лесу, на сплаве, на погрузке вагонов никак не компенсировался нормальным отдыхом. Вольнонаемные рабочие, спецпоселенцы, завербованные по договорам работники вместе с семьями жили в необустроенных бараках. Скученность, антисанитария, холод царили во всех жилищах. В отчете за 1945 год администрация мехлеспункта вынуждена была признать: *«Состояние спецпоселков плохое, т.к. мехлеспункт не может произвести капитальный ремонт из-за отсутствия рабсилы и средств»*. Об этом же говорили на совещании руководящих работников Асовского ЛПХ, где отмечалось, что в Матвеевском лесоучастке в мае 1941 года начали строить барак площадью 204 кв. метра, но не смогли закончить его и в 1945 году, т.к. плотников мобилизовали в армию. Не хватало продовольствия и теплой одежды.

В 2003 году ветеран труда Н. Н. Летов начертил схему типичного поселка лесозаготовителей под названием Татарка. Поселение располагалось на левом берегу одноименной ре-

чушки и разделялось надвое небольшим ручьем. Именно вдоль ручья, являвшегося своеобразной «улицей», и возводились постройки. В центре поселка находилась большая коюшня. Справа и слева от нее располагались 9 бараков для постоянных и временных работников. 6 частных домов раскинулись на окраинах поселка. Имелись начальная школа, детский сад и, как водится, контора лесопункта. Медпункта в Татарке не было.

Из-за плохой одежды и обуви рабочие часто болели. На лесоповале, вывозке и сплаве древесины свирепствовал травматизм. Многие травмы заканчивались выходом рабочих на инвалидность. Среди медицинских учреждений, расположенных в Вынырке, Рябиново, Кирпичной, Усть-Серебряной и на ст. Кын, относительно удовлетворительный набор медицинских услуг мог представить только кыновской медпункт.

Житейские и производственные трудности лесозаготовителей эхом отзывались в городе. Разделение Лысьвенского района на городскую и сельскую зоны поставило в сложное положение социальную сферу города. Школам и больницам хронически недоставало дров. Если до войны Лысьвенский ЛПХ еще мог компенсировать неудовлетворительную работу городских топливозаготовительных организаций за счет оказания помощи горожан при проведении сплавных работ, то с 1941 года леспромхоз отвечал только за сплав древесины до Сокола. Дальше заводские рабочие самостоятельно выплавляли бревна из пруда без привлечения сплавных бригад леспромхоза. Из-за нехватки рабочих рук работа на пруду затягивалась до ледостава.

Особенно сложной выдалась зима 1942-1943 года, когда большинство учреждений здравоохранения и образования работали в режиме жесточайшей экономии дров. Учреждения культуры, такие как кинотеатр «Пролетарий» и клубы, несколько месяцев вообще не отапливались.

Все началось с того, что в середине апреля 1942 года в администрации Лысьвенского ЛПХ прошло традиционное предсплавное совещание. Участники единогласно приняли решение провести сплав не за 29 плановых, а за 20 дней.

Приложив немалые усилия, лесозаготовители с задуманными сроками справились, но проблемы возникли у заводчан. Цехи, между которыми руководство завода расписало сроки выгрузки древесины из пруда, не смогли вовремя собрать людей, т.к. много рабочих отправлялись трудиться на поля и фермы колхозов и совхоза. Из-за той же нехватки рабочих рук не удалось вовремя подготовить к приему древесины гавани. Пока велись подготовительные работы, обсохли берега, а юго-западный ветер сплотил древесину далеко от места выгрузки. Бревна начали намокать и тонуть. Из трех элеваторов к подаче бревен на место складирования удалось подготовить только один. Не отремонтированными оставались транспортеры и моторные лодки. Жители домов, расположенных на берегах прудов, начали воровать лес. Ветер загонял бревна из Заводского даже в Травянский пруд. С большим опозданием работы по складированию древесины на берегу удалось завершить только в октябре месяце, что имело печальные последствия для лесопиления. При разделке замерзших бревен, не успевших просохнуть в осенние месяцы, ломались остродефицитные пилы. В результате цехи, занимавшиеся изготовлением тары для отправки военной продукции, не получали в нужных количествах пиломатериал.

К ноябрю 1942 года руководство горисполкома поняло, что рассчитывать на помощь завода в снабжении города топливом не приходится. В срочном порядке объявили месячник по заготовке дров силами организаций и учреждений. Предполагалось, что для зимовки потребуется около 35 тыс. кубометров дров. В качестве исходных пунктов для лесозаготовки определили Бабеныши, Обманку, Куропашку, Сосновку и другие места, расположенные на расстоянии 15–18 км от города. По расчетам нужно было ежедневно заготавливать 80–90 и вывозить в город до 70 кубометров дров.

С поставленными планами справиться не удалось. Руководство города видело причину неуспеха в том, что колхозы не организовали рабочую и тяговую силу. Усилился спрос с руководителей учреждений. Некоторым из них пришлось сверх установленной нормы в качестве наказания отправлять

на лесозаготовки провинившихся работников. В результате один такой «работник» пищекомбината за месяц нарубил 17, а должен был заготовить 50 кубометров дров, трое работников из больницы за такой же срок нарубили 41 кубометр, детского сада – 10 кубометров.

Максимум, что мог сделать гортоп, это заготовить и вывезти 12 тыс. кубометров дров. Отвечая в целом за обеспечение города дровами, специалисты этой организации не смогли наладить техническое руководство работой самозаготовителей. Мастера гортопа не направляли в делянки пилоправов, не обеспечивали лесозаготовителей достаточным количеством инструментов, а там, где были столовые, например, в Сосновке, нерегулярно завозили хлеб.

Город мерз. Вместе с тем, ничего не оставалось делать, как готовиться к предстоящей зиме. Обращаясь к населению города, представители власти призывали: *«Создавайте запасы топлива сами... не гнушайтесь ручными тележками и вязанками дров на своих собственных плечах»*. Сохранились воспоминания очевидцев, которые рассказывали, что горожане, у которых имелся домашний скот, пытались возить дрова на коровах. Имеются упоминания о гибели животных после использования в качестве тягловой силы, что являлось настоящей катастрофой для семьи павшей коровы.

В исполкоме верстались новые планы, в соответствии с которыми во втором и третьем кварталах 1943 года городской отдел народного образования должен был заготовить 1250 кубометров дров и 350 т торфа, а городской отдел здравоохранения – 6700 кубометров дров и 275 т торфа.

18 июня 1943 года состоялся грандиозный субботник по заготовке топлива. За день удалось заготовить 7656 кубометров дров и подвезти к сплавным рекам 800 кубометров. Благодаря соответствующему настрою людей, результаты работы оказались неплохими. Например, три сотрудника горсовета и горкома ВКП(б) за день нарубили 19 кубометров дров. В целом итоги субботника оказались настолько впечатляющими, что облисполком выделил на премирование особо отличившихся работников 10 тыс. руб. денег.

25 февраля 1944 года горисполком объявил очередной месячник по самозаготовке дров, начиная, таким образом, подготовку к зиме 1944-1945 года. Однако темпы работы оказались в два раза ниже запланированных. В первом квартале вместо 4332 кубометров удалось заготовить 2271 кубометр дров. Месячник решили развернуть в двухмесячник. Всего в течение летнего времени предполагалось заготовить 30 тыс. кубометров топлива. Чтобы активизировать участие горожан и руководителей учреждений в самозаготовках, предпринимались репрессивные меры к лицам, уклоняющимся от работы в лесу. Например, одну из работниц поликлиники за отказ от работы в лесу приговорили к четырем месяцам тюремного заключения.

В январе 1944 года на лесоучасток «Севералтяжстроя» прибыла бригада женщин рубщиков леса из Курска. Уральский лес, снег по пояс – все было женщинам в новинку. Однако они быстро освоили работу лучковой пилой, облегченным топором, привыкли к снегу и к новой для них работе. Некоторые женские бригады стали выполнять план на 115–125%. Ударный труд курянок побудил руководство «Севералтяжстроя» организовать смешанные бригады, состоявшие из мужчин и женщин. Результаты такого эксперимента оказались удачными, и тресту удалось вовремя заготовить 12 тыс. ф/м. Из них 7 тыс. ф/м деловой древесины предназначались для строительства жилья, а остальные 5 тыс. – на дрова.

Ударно трудились на самозаготовке топлива работники образования. Учителя и родители школы № 16 заготовили плановые 280 кубометров дров за 22 дня вместо двух месяцев. Всего школы города заготовили 2490 кубометров дров.

Самозаготовки топлива продолжались и в последующие годы. Горисполком, всякий раз планируя обеспечить город дровами в кратчайшие сроки и самое подходящее время года, вынужден был растягивать процесс лесозаготовки надолго. Руководители учреждений и организаций не выполняли установленные графики рубки, доставки древесины к сплавным рекам, подвозки дров к местам потребления. По этой причине приходилось объявлять авральные лесозаготовительные ме-

сячники, двухмесячники, декадники, двухдекадники. Едино- временно в лес выходили до трех и более тысячи человек. Работники гортопа, формально отвечающие за распределе- ние лесорубных участков, попросту не успевали указать каж- дой бригаде место предстоящих работ и ограничивались сло- вами: «Рубите в Сосновке! У Куропашки! Идите в Карповку». Как следствие, вырубались водоохранные леса, на дрова пус- калась деловая древесина, безоглядно уничтожался подрост.

Нарушения, несопоставимые по размерам с самозаго- товками, имели место в леспромхозах. У руководителей хо- зяйств были одни оправдания: фронт срочно требует древе- сину, а людей не хватает, нет транспорта, запчастей и ГСМ, колхозы не посылают работников. Конечно, такие объяснения не могли оправдать невыполнение лесозаготовительных пла- нов и задержки по отправке готовой продукции потребителям. На руководителей сыпались наказания, но дела от этого луч- ше не шли.

В январе 1945 года облисполком вынужден был издать постановление о проведении фронтового месячника по лесо- заготовкам с 23 января по 23 февраля, посвященного 27-й го- довщине советской армии. Лесопункты и лесоучастки брали на себя повышенные суточные обязательства. Матвеевский участок обязался заготавливать в сутки 200 кубометров, Кор- дон-Терсинский – 147 кубометров, Шаквинский – 55 кубомет- ров древесины. В лес посылали всех, кого могли. В Рассоху прибыли 100 солдат из в/ч 07822. В некоторые лесоучастки из Молотовского распределителя поступали трофейные лошади.

Через неисчислимые трудности и жертвы прошли лысь- венские лесозаготовители ко дню Победы. До предела устали люди, изнасилась техника, прорехи и недоработки в лесном хозяйстве, с которыми мирились в годы войны, требовали не- медленного исправления и коррекции. Разбалансировка лес- ного хозяйства стала настолько очевидной, что 4 апреля 1947 года Президиум ВС СССР принял Указ «Об образовании ми- нистерства лесного хозяйства СССР». Новая управленческая структура создавалась на базе Главлесохраны при совете ми- нистров СССР *«в целях улучшения лесного хозяйства и уст-*

ранения организационных недочетов...». Министерству вменялось в обязанности руководить лесоустройством, восстановлением и охраной лесов и т.д. Отныне все леса кроме колхозных, переданных хозяйствам по акту в вечное пользование, поступали в ведение нового министерства.

